

выставка живопись

Человек вождя

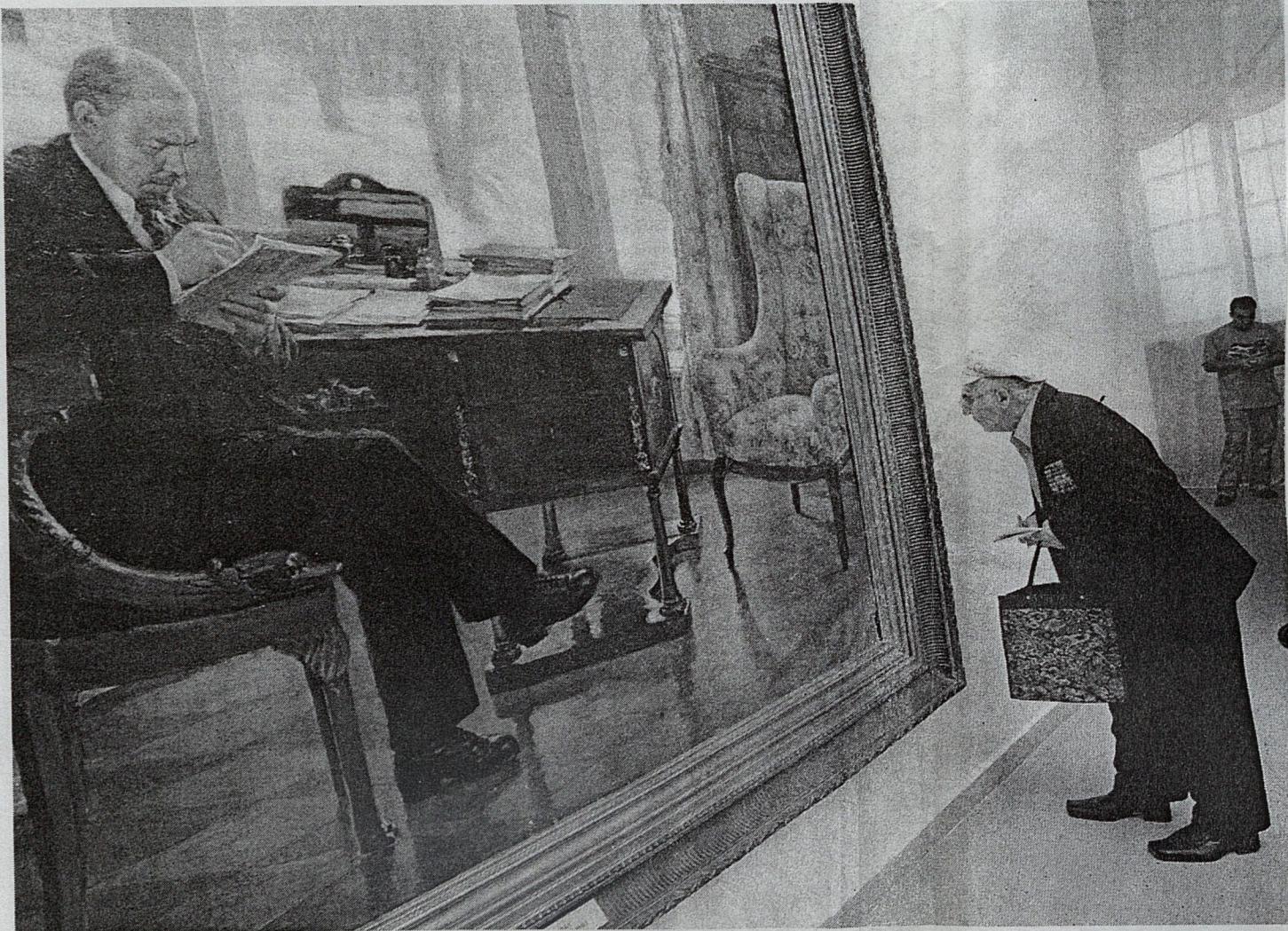
Ретроспектива Дмитрия Налбандяна в Новом Манеже

Коллажераж - 2006 - 30 сб. - с. 14

В московском Новом Манеже открылась выставка, посвященная столетию со дня рождения художника Дмитрия Налбандяна — автора канонических портретов советских вождей и создателя официальной живописной сталинианы. Именно этого жанра на выставке в Манеже явно не доставало ИРИНЕ КУЛИК.

Народный художник СССР, Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Государственной премии СССР и единожды — Ленинской, любимый художник Берии и чуть ли не единственный кремлевский портретист, которому Иосиф Сталин позировал лично, Дмитрий Налбандян относится к фигурам, которые сложно назвать неоднозначными, его имя стало едва ли не нарицательным. Сегодня, когда соцреализм вызывает заметный интерес (а также пользуется все большим рыночным спросом), полномасштабная ретроспектива Дмитрия Налбандяна могла бы стать примечательным событием — впрочем, не только с художественной, сколько с историко-культурной точки зрения.

Однако юбилейная выставка оказалась весьма скромной — она занимает только половину Нового Манежа и к тому же выстроена с неуместной стыдливостью. Перед глазами посетителя разворачиваются выгородки со множеством безликих пейзажей и натюрмортов. Монументальные полотна прячутся в самой глубине зала — но именно к ним и тянутся зрители. Два Ленина — в Горках и на Красной площади в толпе революционного народа, два Сталиных, один Брежнев и один Хрущев, вовсе не бывший, в отличие от Сталина, а затем и Брежнева, постоянным клиентом живописца. Впрочем, для выставки в Новом Манеже портреты подобраны по возможности камерные. Леонид Ильич Брежnev уютно устроился за письменным столом с газеткой и стаканом чая. За столом с газетами (все той же «Правдой») и трогательным миниатюрным спутником на подставке задумчиво сидит и Никита Хрущев. Стол же по-домашнему, чуть ли не болтая короткой ножкой в аккуратно шнурованном ботинке, примостился за рабочим столом в Горках и Ленин. Одомашниванию упорно не поддается только Сталин. Картина 1947 года «Торжественный прием в Кремле в 1945 году» представляет генералиссимуса спускающимся по дворцовой лестнице во главе толпы соратников, которая кажется галлю-

Работы Дмитрия Налбандяна до сих пор вызывают преклонение истинных ценителей «большого советского стиля». ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

циаторно бесконечной. В качестве довольно остроумного «спецэффекта» Налбандян изобразил на заднем плане, в глубине анфилады какое-то густонаселенное живописное полотно, делающее следующие за вождем массы поистине несметными.

Впрочем, такое явление при всех атрибуках славы дозволено только Сталину. Что касается самого Дмитрия Налбандяна, то его явно старались очеловечить. И в вождях он, дескать, был готов видеть простых смертных — почти таких же, как, скажем, в коллегах-художниках, персонажах с индийских улиц или каком-нибудь чабане или колоритной армянской бабушке (впрочем, удостоившейся портретирования в качес-

тве Героя Соцтруда). И вообще вкладывал душу в писание натюрмортов с цветами, плодами и японскими масками и пейзажей с неброскими красотами Подмосковья, улочками старого Тифлиса, римскими площадями и Эйфелевой башней, некоторые из которых даже можно заподозрить в крамольном влиянии импрессионизма.

Но Налбандян-«человек» и Налбандян-художник со всеми своими слишком очевидными слабостями, оказывается, совсем не так интересен, как Налбандян — знаковая фигура времени. Мутный доморошенный импрессионизм не идет ни в какое сравнение с кондовой выделкой полулубочных, полугиперреалистических официозных

полотен. Да и изображения «простых людей» напрочь лишены того своеобразного гипноза, который исходит от парадных портретов и получается, кажется, только тогда, когда подобострастному взгляду живописца удается поймать взгляд уверенного в своем величии героя, будь то тот же Сталин или индийский генерал Сингх. На открытии одной из своих выставок Дмитрий Налбандян, формулируя свое творческое кредо, якобы произнес фразу: «Я работаю в области вождя». Выставка в Новом Манеже свидетельствует о том, что за пределами этой области Налбандян и вправду «не работает» — вернее, оказывается просто фигурой малопримечательной.